

Дождь лил не переставая, с каждой минутой становясь всё холоднее и сильнее, словно пытаясь укутать всю столицу в непроглядную серую пелену. Лян Найлэ долго сидел, выпрямив спину и втянув живот, и лишь когда стражники толкнули дверь и велели встать, почувствовал, как затекли ноги и заныла поясница. Пошатнувшись, он вышел из покоев. В кабинете уже не было никого из высокопоставленных лиц. Лян Найлэ сохранял бесстрастное выражение лица: он знал, что всё кончено. Те люди уже обо всем договорились, и у его судьбы появилась своя цена.

Чего теперь бояться? Сольхахан уже давно миновала Гиблое место. Даже если вы отрастите крылья, вам её не догнать!

Конвоира разозлил надменный вид пленника, и он грубо подтолкнул его в спину. Лян Найлэ качнулся, едва не упав. Чиновники, остававшиеся в комнате, обернулись.

Всего на миг, но взгляд одного из них скользнул по нему.

Тот человек? Неужели это Вэй Чи?

Когда Лян Найлэ обернулся, молодой циский офицер уже не смотрел на него. Он стоял перед столом и о чем-то говорил со старшим по званию. Лян Найлэ видел лишь его профиль.

Это он? Тот, о ком Сольхахан так часто упоминала невзначай?

Это точно он. Лян Найлэ невольно вздохнул. Может, и не стоило его видеть? Если бы не увидел, не пришлось бы сомневаться в том, что Сольхахан действительно питает к нему нежные чувства.

У него было тонкое, благородное лицо. Черты лица — неброские, но каждое выражение дышало спокойствием. Когда он молчал, то иногда слегка поджимал губы, а когда кивал, порой приподнимал брови. Собеседник наверняка находил его манеру общения невероятно изысканной. Тяжелые многослойные одежды циских чиновников на многих смотрелись мешковато, но на нем сидели идеально. Этот человек был красивее его, утонченнее, и теперь, увидев его, он понял: те чувства, что она питала, стоили того.

Ах! В сердце Лян Найлэ кольнуло. Я скоро умру, но...

Но я знаю, что люблю вас... А вы...

Но тот, кого любите вы, даже не выказал тени сожаления из-за вашего ухода, ни капли смятения! Стоило ли оно того? Ваше Высочество, стоило ли? И стоило ли мне? Только увидев его, я понял, что вы никогда не смогли бы полюбить меня, хотя я и удостоился вашего доверия и дружбы.

Всего лишь дружбы.

Когда тайные желания разъедают душу, мужество словно улетучивается. Лян Найлэ украдкой сжал в кулаке яд, зашитый в рукав, и ощутил ледяной ужас смерти.

Когда стражник снова толкнул его, он невольно вздрогнул. Я ненавижу свою семью, ненавижу этих глупых и жестоких старых аристократов. Но почему, когда я исполнил всё задуманное, на душе нет покоя? Лян Найлэ снова посмотрел на циского офицера. Ревность? Или что-то иное? Почему сейчас он ненавидит этого незнакомца сильнее всего на свете, почему ненавидит самого себя?

Я скоро умру... но...

Вэй Чи обсуждал с Нин Юанем дела во дворце и всё время чувствовал на себе чей-то взгляд. Снова и снова. Это было неприятно. Вэй Чи не выдержал и обернулся. Этот человек — тот самый подставной свидетель? Почему он так пристально смотрит?

Вэй Чи холодно встретил взгляд смертника Сольхахана.

Нин Юань, чей рассказ прервался, тоже посмотрел в ту сторону:

— ...У этой принцессы действительно немало козырей в рукаве.

— Господин Нин считает, что именно принцесса подослала его убить монаньского князя?

— Неважно, кого она подослала, главное — это дело рук той женщины.

Вэй Чи моргнул:

— Господин Нин, почему вы так уверены...

Нин Юань внезапно усмехнулся:

— Господин Вэй не верит? Или не хочет верить?

Вэй Чи подумал и ответил:

— Это же её родной брат!

Нин Юань указал на смертника:

— Помнишь того человека, который хотел тебя убить? Этот — его родной брат. Именно родной брат подстроил ему ловушку, из-за которой он едва не погиб от моей руки.

— Может быть, — Нин Юань почесал затылок, — она вообще никого не посылала, а сама взялась за дело...

Вэй Чи очень хотелось, чтобы он замолчал.

— Эй! — в тот момент, когда Вэй Чи опустил голову, Нин Юань вдруг закричал: — Держите его! Он хочет сбежать!

Стражник почувствовал, как пленник дернулся, а присмотревшись, увидел, что веревки, которыми тот был связан, лопнули.

Ну вот! Лян Найлэ выудил таблетку, на мгновение замешкался, и этого хватило, чтобы молодой циский офицер бросился на него и ударил ногой в живот. Лян Найлэ, с трудом удержавшись на ногах, решил и поднес яд ко рту, но его запястье намертво перехватила чья-то рука.

— Он хочет отравиться! — крикнул Вэй Чи.

В кабинете, кроме конвоира, были одни гражданские чиновники — и монаньцы, и цисцы. Услышав крик Вэй Чи, никто не бросился на помощь. Стражник уже сжался в комок: в тот момент, когда Лян Найлэ дернулся, кто-то вонзил ему в бок кинжал.

Вэй Чи пришлось действовать в одиночку. Нин Юань закричал, призывая стражу снаружи.

Вэй Чи одной рукой сжимал горло Лян Найлэ, а другой — его запястье, не давая проглотить яд. Лян Найлэ, извиваясь, тянулся к поясу, где был спрятан еще один кинжал — отравленный, смертельный.

— Вэй Чи! — Нин Юань обернулся. — Осторожно!

Но было поздно. В тот миг, когда Вэй Чи разжал пальцы, чтобы отразить удар, кинжал уже оказался у его груди.

Однако в последнюю секунду тот человек отпустил оружие. Кинжал с резким звоном упал на пол.

Когда Вэй Чи попытался сжать ему челюсти, Лян Найлэ уже проглотил яд.

Это был удивительный состав: не нужно много, не нужно долго ждать, и почти никакой боли — лишь вечный сон. В последний миг перед тем, как закрыть глаза, Лян Найлэ посмотрел на молодого офицера и постарался улыбнуться: Вы и есть Вэй Чи? Если сможете, пожалуйста, любите её...

Вэй Чи разжал руки. Этот человек погрузился в вечный сон. В комнату ворвалась стража, Нин Юань подбежал и помог ему подняться.

Вэй Чи пришел в себя и с замиранием сердца коснулся груди — он что, улыбался?

Прибывшие следом люди не дали Вэй Чи времени на раздумья: три знатных рода вернулись, и начались бесконечные споры, пока они снова не пришли к соглашению. Лицо Нин Яньлэ было чернее тучи, будто у него из-под носа утащили уже сваренную курицу.

Лишь к вечеру Вэй Чи вместе с Нин Юанем вернулись в Хута-ясы. Доложив о случившемся с Лян Найлэ, Ван Юньи потер переносицу:

— Что ж, по крайней мере, монаньцы не смогут использовать это как повод для нападков.

Уходя, он невольно бросил взгляд на письменный стол — бумаги, разложенные там вчера, так и лежали стопкой. На каждой был её почерк. Когда она писала это, он был рядом. Еще несколько дней назад она шутила с ним, а теперь исчезла, словно утренний ветерок меж пальцев.

Она исчезла так же необъяснимо, как и появилась. Картина того, как она спит, укрывшись в его объятиях в долине, казалась вчерашним днем, как и те дни, когда они были близки, словно сестры. Но с этого момента всё будет иначе.

Вэй Чи бережно достал заколку. Если бы не он подарил её, откуда в её шкатулке взяться такой дешевой вещице? Но она хранила её, отдельно, в самой красивой коробочке.

Вэй Чи покачал на ладони маленький камешек, украшавший заколку, и спрятал её за пазуху. Цицигэ... нет, Сольхахан, с сегодняшнего дня мы снова враги.

— Господин Вэй... — неизвестно откуда появился Нин Юань. — Уберите зонт, посмотрите, небо прояснилось.

Вэй Чи поднял голову. На западе, над самым горизонтом, заходящее солнце было окружено бледной радугой. Холодный дождь, ливший два дня, наконец прекратился.

— Разве сейчас время для ясной погоды? — спросил Вэй Чи.

— В Монани затяжные дожди по два месяца — обычное дело, — Нин Юань указал на запад. — Это действительно странно.

В темницах стражи было сыро и темно, даже тюремщики не задерживались там надолго. Пожилой стражник принес похлебку для заключенных.

— Эй! — окликнул его молодой парень. — Там в глубине одни смертники, какая разница, поедят они или нет? Скоро всё равно на казнь.

Старик покачал головой и, достав ключи, открыл железную дверь, ведущую в самую глубь темницы.

Парень усмехнулся ему в спину:

— Трусливый старик, боится проблем! — похихикав, он с товарищами разошелся.

Старик разливал похлебку по мискам. Смертники были озлоблены, ругались на чем свет стоит. Но он привык к этому за долгие годы службы, поэтому просто молча делал свою работу.

Открыв последнюю камеру, он замер. Этот заключенный прибыл только сегодня утром, кто бы мог подумать, что его так сильно истязали!

Не задерживаясь, стражник плеснул похлебки в миску. Услышав шум, узник медленно повернул голову. Лицо было молодым, возможно, когда-то красивым, но сейчас на нем не осталось живого места.

Стражник крикнул:

— Еда!

К его удивлению, узник, услышав голос, медленно пополз к миске. Что это были за руки! Пальцы распухли, посинели, были вывернуты под жуткими углами, но узник упорно полз вперед. Стражнику стало любопытно. Из-за ран пленник часто останавливался, чтобы перевести дух. Наконец, спустя долгое время, он добрался до миски.

— Благодарю, — спокойно произнес молодой смертник.

Стражник вздрогнул. Ему вдруг захотелось узнать, кто этот юноша и за что его так наказали:

— Кто ты? В чем твое преступление?

Смертник поднял лицо из миски:

— Я не совершал преступлений.

Стражник прикрыл дверь и присел рядом:

— Если ты невиновен, почему здесь? Кто ты в конце концов?

Узник долго молчал:

— ...

Видя, как тот слаб, стражник не решился больше спрашивать, а лишь украдкой пододвинул миску поближе, чтобы несчастному было удобнее есть.

— Ах, спасибо! — узник снова склонился над едой.

— О! — стражник вдруг тихо вскрикнул.

— Что случилось? — узник настороженно поднял голову.

— О... — стражник успокоился. — Просто небо прояснилось. В этой глубокой темнице вдруг появился лучик солнца.

Смертник повернул голову, глядя в сторону узкого окна под потолком — единственного источника света в глубоком подземелье. Он изо всех сил вытянул шею, хотя ничего уже не видел.

— Это солнечный свет? — спросил он.

— Да, — осторожно ответил стражник.

— Видишь... — он поднял руку, указывая на свет. — Я пришел ради света.

Мы пришли ради света, и ради него мы готовы умереть во тьме.

Эта странная история завершилась столь же поспешно. Жители Монани знали лишь одно: король мертв, и, что еще хуже, исчезла принцесса, покровительница страны. Ходили слухи, что она погибла, но люди предпочитали верить, что она жива.

Менее чем за десять дней загадка, заданная Сольхахан, вымотала все стороны конфликта. Ван Юньи отправил письма в Министерство обороны, в кабинет министров и лично императору. Когда письма дошли, Шэнь Ян как раз закончил отчет о службе. Мир — вот что сказал господин Шэнь. Прочитав послания, он вздохнул, а император, помрачнев, с силой ударил по столу.

Министерство обороны и кабинет министров начали спорить, но через день император, вопреки всем возражениям, решил оставить Ван Юньи при власти.

— Теперь он стал губернатором трех областей, — пробормотал император, держась за голову, когда рядом остался только Шэнь Ян.

Шэнь Ян почувствовал исходящее от него намерение убить, но в этот момент он уже не мог сказать: не доверяешь — не назначай, назначаешь — не доверяй. Он знал, что только молчание позволит императору придерживаться этого верного решения.

Через день кабинет министров получил окровавленное письмо от Ван Юньи. Чиновники не выдержали и принялись обвинять Ван Юньи в шантаже двора. Но император, наконец, поставил печать на указе.

Пять дней гонцы скакали без отдыха, и приказ дошел до Ван Юньи. Всё вышло даже лучше, чем он ожидал: император и кабинет отозвали большую часть надзирателей. Ван Юньи показал документ Ду Цихуаню.

— Никакого пути назад, только победа?

— Никакого пути назад! Только победа!

Пока Ван Юньи точил клинки, Мэй Линь тоже не сидел сложа руки. После минутного замешательства старый лис почуял запах крови. Шанс, которого он ждал всю жизнь, представился. Добыча была близка, и даже если за богомолем, ловящим цикаду, притаилась иволга, стоило побороться. Мэй Линь прекрасно знал мысли принцессы: она была самой любимой дочерью покойного короля, и её сердце не могло быть двойственным. Если бы ей представился шанс, как бы она могла не избавиться от него? С тех пор как циские войска вошли в город, она только и делала, что пыталась поссорить Ван Юньи с ним. Но разве Ван Юньи был прост? Он терпел сильнее любого другого. Теперь, когда принцесса сбежала, в столице не осталось хозяина. В игре остались двое, и даже если он не начнет первым, Ван Юньи ударит сам.

К тому же, почему он должен ждать? Ван Юньи увел войска глубоко в тыл врага, снабжение нарушено — кто теперь скажет, кто богомол, а кто иволга?

Той же ночью Мэй Линь лично посетил Кэво Нинъя — семью, наиболее тесно связанную с королевским домом Монани. Они наконец сдались: если Мэй Линь возведет на трон Вотолэя, они готовы предоставить все войска рода Чахан.

Тщательно сплетенный туман рассеялся, все силы начали активно готовиться. Кто быстрее войдет в игру, тот и станет победителем.

Эта степь увидит, кто выживет, а кто сгинет.

Умуцзи, просидевший в академии несколько месяцев, был освобожден старшим братом. Тот, не читая обычных нотаций, просто протянул ему назначение:

— С завтрашнего дня ты — командующий конницей гвардии.

Гвардия была единственным местом, где семья Чжиши Фэнъя имела реальную власть, и это место удалось отвоевать лишь после того, как брат вошел во дворец. Командующий конницей! Мэй Линь согласился отдать лучшие силы гвардии семье Чжиши Фэнъя! И брат доверил эту честь ему, тому, в ком семья вечно сомневалась.

Еще вчера он терзался из-за нескрываемого разочарования родных...

Видя смешанные чувства Умуцзи, Нин Яньлэ долго молчал, а затем сказал:

— Знаешь, Лян Найлэ мертв... И именно он подставил тебя.

Умуцзи растерялся:

— Что? Почему?

Нин Яньлэ посмотрел на младшего брата, далекого от мирских интриг:

— ...Потому что он никогда не считал себя одним из нас. Он был шпионом принцессы.

Увидев замешательство Умуцзи, Нин Яньлэ вздохнул, подошел и похлопал брата по плечу, который давно перерос его:

— Гвардия — это единственное, что я смог вырвать для семьи, но теперь только ты сможешь превратить её в настоящую силу. Я верю в твой военный талант, безопасность семьи теперь на твоих плечах.

Умуцзи пытался вспомнить лицо Лян Найлэ, но образ был расплывчатым, словно они никогда не разговаривали. Он оставил эти бесплодные попытки и посмотрел на брата, который, по сути, тоже был ему чужим:

— Брат имеет в виду, что я теперь командующий?

Нин Яньлэ кивнул:

— После полудня иди во дворец за жетоном.

— Хорошо! — Нин Яньлэ услышал простой и прямой ответ.

Вэй Чи понадобился почти год, чтобы превратить себя в орудие убийства, за это время она не раз сомневалась, не раз страдала от бессонницы. Но некоторым достаточно и мгновения. Умуцзи, избалованный юнец, знавший лишь охоту да скачки, отбросил политические сомнения и семейные распри, ухватившись за суть: он — командующий гвардией.

Сказав это «хорошо», Умуцзи сосредоточил все мысли на своей новой роли.

Военному делу некоторые не могут обучиться всю жизнь. А другие — гении. Гении, рожденные для полей сражений.

<http://bllate.org/book/21780/2252242>